

О ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ КІЕВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО БРАТСТВА.

I.

Вотъ уже 250 лѣтъ, какъ существуетъ кіевское богоявленское братство на своемъ пылѣнномъ мѣстѣ.... Сколько достопамятныхъ въ исторіи людей училось въ этомъ старобитномъ всеучилищѣ Руси!

Къ двумъ съ половиною вѣкамъ его исторической жизни добавляется еще 25-тилѣтнее бытіе прежней богоявленской школы, которая, говорятъ, въ 1589 году, благословеніемъ патріарха Іеремія, была возвышена предъ прочими приходскими школами кіевскими. Но объ той школѣ еще не открыто: кажется, тоговременныхъ извѣстій, ни о пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагають, 1614 года.

Печальная пустота этого пожараща восполняется знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ. Такъ въ «Исторіи кіевской академіи» о. Макарія Булгакова, изданной 1843 года, сказано, что Іовъ Борецкій и Мелетій Смотрицкій были въ той школѣ наставниками и что Мелетій назывался ся ректоромъ. Въ книгѣ г. Аскоченскаго «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею», изданной 1856 года,—къ питомцамъ той школы отнесены не только Кириллъ Транквиліонъ-Савровецкій, Захарія Копыстенскій и Богданъ Хмельницкій (какъ у о. Макарія), но и Елисей Плетенецкій, Леонтій Карповичъ, Кассіанъ Садовичъ и сподвижники Хмельницкаго—Павель Тетеря и Якимъ Сомко.

Но для признанія «неотъемлемой принадлежности» ихъ всѣхъ къ прежней богоявленской школѣ, надобно тогочасное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 года—семидесятилѣтнимъ старцемъ.

Нельзя и подумать, чтобы въ кievской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣлательнаго участія святопамятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кievскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намёка въ тогочасной письменности, равно какъ не видно изъ нея и прежней богоявленской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись 1594 года, данная кievскимъ земляниномъ Андреемъ Обуховымъ и его женою Настасією Сверщовскою—на ихъ Сверщовскій дворъ на Подолѣ и сѣножать на Оболоні. Но и той купчей записи не знаемъ мы въ подлинникѣ; а говорится объ ней черезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года, что проданы дворъ и сѣножать—«въ братскій монастырь». Словомъ сказать, 25-лѣтнее бытіе первоначальной богоявленской школы требуетъ новаго историческаго изслѣдованія и удостовѣренія. Извѣстіе объ немъ было обнародовано еще Герардомъ Миллеромъ и Василиемъ Рубаномъ «въ Старинѣ и Новизнѣ» 1773 года; но въ своемъ излѣженіи видѣ оно есть только *мнѣніе*, а не свидѣтельство историческое.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ самой академіи кievской, было еще такое мнѣніе, по которому ея начало полагалось въ 1620 году, т. е. со времени ея утвержденія и благословенія патріархомъ Оеофаномъ. Такъ въ «Кievскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто 1799», составленномъ Иринеємъ Фальковскимъ, въ «Хронологіи вещей достопамятныхъ» означено: «отъ заведенія кievской академіи—178 годъ».

II.

Мѣсто, на которомъ основалось кѣвское братство въ 1613 году, принадлежало прежде Стефану Лозкѣ, маршалку мозырскаго повѣта, имѣвшему значительныя помѣстья и въ землѣ кѣвской, около Радомышля ¹⁾. Въ межигорскомъ монастырѣ поминалось его имя въ числѣ *ктиторовъ*, на ряду съ Богданомъ Стеткевичемъ и другими. Свой кѣвскій дворъ Стефанъ Лозка подарилъ женѣ своей «Галинкѣ Гулевичевнѣ», принадлежавшей къ давнему и знатному роду на Волыни. Тамъ въ первой половинѣ XVI-го вѣка Феодосій Гулевичъ былъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ. Своимъ издѣвствомъ онъ возобновилъ въ Луцкѣ запустѣлую древнюю церковь св. Димитрія, которая долго послѣ того считалась принадлежащею дому Гулевичей. Въ 1596 году, на брестскомъ соборѣ находился Демянъ Гулевичъ, будучи «маршалкомъ свѣтскаго кола», и подписался на протестъ противъ новообъявленной церковной уніи. А въ XVII-мъ вѣкѣ, когда составилось луцкое брестовоздвиженское братство, къ нему принадлежало нѣсколько челоуѣкъ изъ этой фамиліи, въ томъ числѣ и Марья Гулевичева.

По наслѣдственной пажобности и по любви къ русскому народу, *Анна Гулевичевна Лозкина*, съ согласія своего мужа,

¹⁾ Тамъ ему принадлежали: Рожевъ, Ставищи, Рокочица, и другія сѣлица. По близости ихъ къ Радомышлю, который принадлежалъ къ владѣніямъ печерскаго монастыря, архимандритъ Мелетій Хребтовичъ хотѣлъ вытѣщить ихъ у Стефана Лозки на нѣкоторыя лаврскія сѣла, находившіяся въ сторонѣ Слуцкой—на Осово, Левинцевичи, Печеряны, и получилъ на то дозвольтельный королевскій листъ 1590 года; однако этотъ обмѣлъ не состоялся.

Въ мѣстечкѣ Рожевѣ, на р. Збручѣ, былъ небольшой укрѣпленный замокъ, въ которомъ Галинка Гулевичевна-Лозкина жила и въ 1618 году. Того года 25-го августа широкъа сума, самозванный польшанецъ, напалъ на Рожевъ и произвелъ въ немъ разбѣиѣ и грабительство (См. Архивъ Югозападной Россіи, ч. III. № 71).

отдала кievскій домъ и дворъ свой на пользу общественную, а именно: на устроеніе тамъ монастыря патріаршей ставропигіи, школы для дѣтей всякаго сословія и гостиницы для духовныхъ странниковъ греко-восточнаго исповѣданія; а чтобы ея фундація пришла въ дѣйствіе, она немедленно ввела туда священноинокъ Исаію Копинскаго съ нѣсколькими монахами и свѣтскими лицами, и завела тамъ школу; и такое распоряженіе свое утвердила на судѣ—записью 1615 года 14 октября. Съ этой записи и начинается *положительная* и достоверная исторія кievскаго братства.

Итакъ, богомысленный мужъ *Исаія Копинскій* былъ первымъ исполнителемъ распоряженія достопамятной основательницы кievскаго братства и первымъ его устроителемъ, о чемъ и самъ онъ напоминалъ въ генварѣ 1632 года, будучи митрополитомъ кievскимъ: «Ико съ початку за стараніемъ нашимъ, табъ и теперь за благословеніемъ, то мѣстце святое фундаментися маеть».

И вотъ, согласно правиламъ, которыя даны были отъ патріарховъ прежнимъ западнорусскимъ братствамъ—львовскому, виленскому, могилевскому,—составляется братство кievское, и заводится при немъ *Уписъ* или *Ресстръ* братскій, въ предисловномъ обязательствѣ котораго говорится такъ: «Начинаемъ сіе душеспасительное дружелюбное соединеніе, *братство церковное*, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, благословеніемъ и повелѣніемъ святѣйшаго вселенскаго патріарха константинопольскаго Киръ Тимовея, начальнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего, и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ, александрійскаго и антiохійскаго и іерусалимскаго—на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи нашему російскому роду, сыномъ восточнаго православія, обывателямъ воеводства кiev-

скаго, такъ духовнаго вѣселакаго, яко и свѣтскаго шляхетскаго стану, и всея Рѣчи Посполитое местное, и всѣмъ христонимнымъ людемъ»... и т. д.

Читая сіи строки, надо припомнить время, когда это дѣялось. Двадцать лѣтъ уже въ іерархіи кievской свирѣпствовала церковная унія; былъ уже третій митрополитъ кievскій изъ уніатовъ, Іосифъ Вельямивъ Рутскій, и не было уже ни одного православнаго епископа; а воєводою кievскимъ былъ тягостный для Руси Станиславъ Жолкевскій.

Начинаемъ—говорятъ—церковное братство въ Кіевѣ. Видно, что оно было тутъ дѣломъ новымъ, а не продолженіемъ прежняго братства, состоявшаго при богоявленской церкви будто бы сгорѣвшей въ предыдущемъ году, вмѣстѣ со школою и шпиталемъ. Братство, какъ общество людей, не прекратилось бы отъ пожара; оно только озаботилось бы о возобновленіи погорѣвшихъ зданій. Но въ предисловіи реестра и въ записи Гулевичевымъ вѣтъ и помину о нихъ и объ ихъ возобновленіи, которое въ ту пору было бы надеждою, чѣмъ построеніе ихъ вновь, отъ новаго православнаго братства церковнаго. Это умолчаніе не даетъ ли намъ разумѣть, что кievское братство учредилось само по себѣ, безъ отношенія къ прежнему? Въ исторіи о. Макарія сказано: «для поличенія объ училищѣ вновь составлялось братство, вѣроятно изъ прежнихъ членовъ, съ прибавкою впрочемъ и новыхъ» (стр. 18). Предположеніе это не имѣетъ для себя опоры въ свидѣтельствахъ тоговременныхъ.

Къ сожалѣнію нашему, не сохранился братскій реестръ цѣлымъ подлинникомъ, и мы не можемъ, по собственноручнымъ подписамъ членовъ, прослѣдить изъ году въ годъ постепенное возрастаніе кievскаго братства, видѣть въ-очью всѣхъ первыхъ наипачетей его и дальнѣйшихъ подвижниковъ, въ томъ числѣ и достопамятнаго въ его исторіи гетмана Петра

Конашевича Сагайдачнаго. Только въ надгробныхъ стихахъ тогдашняго «ректора братскихъ школъ», Кассіана Саговича, сказано о славномъ гетманѣ:

«Въ которое ся братство во всѣмъ войскомъ вписаль,
И на него ямужну значую отказаль».

III.

Изъ великаго множества подписей, бывшихъ въ братскомъ реестрѣ, сохранилось только 22—въ копіи, принадлежавшей митрополиту Евгенію, съ которой онѣ напечатаны 1846 года, во второмъ томѣ «Памятниковъ», изданныхъ кievскою временною комиссіей. Въ книгѣ г. Аскоченскаго повторены эти подписи, но въ томъ же порядкѣ, какъ онѣ напечатаны въ Памятникахъ, и отъ этого вышелъ анахронизмъ: 15 братьевъ, записавшихся послѣ 1630 года, очутились при самомъ началѣ братства. Авторъ говоритъ: «Въ непродолжительное время по основаніи училища на землѣ, подаренной Гулевичевою, внесли въ уписъ свои имена: Аѳанасій Пузына, епископъ луцкій и острожскій, архимандритъ жидичинскій; иѣкто Андрей Литинскій изъ Литвиничъ; Исаія Трофимовичъ, вписавшійся «душею и рукою»; Сильвестръ Коссовъ, «префектъ школъ кievскихъ братскихъ» и т. д.

Достойны воспоминанія всѣ подвижники православія и просвѣщенія, ознаменовавшие себя въ нашей исторіи; но въ ней каждый изъ нихъ долженъ стать въ своемъ видѣ, на своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Аѳанасій Пузына выбранъ въ епископы луцкіе въ исходѣ 1632-го года, на томъ знаменитомъ варшавскомъ сеймѣ, на которомъ и архимандритъ печерскій Петръ Могила выбранъ въ митрополиты кievскіе. Тогда устраненъ былъ отъ епископій луцкой уніатскій епископъ Іеремія Мочаповскій, который не допускалъ на эту епископію Исаію Борисковича, посвя-

щевнаго на нее патріархомъ Теофаномъ 1620 года. А явился будущій епископъ на тотъ избирательный варшавскій сеймъ, въ числѣ 140 депутатовъ отъ шляхетства волинскаго, будучи еще мірянниномъ, *Александромъ Пузыною*. Подъ этимъ именемъ онъ виденъ и на листѣ луцкаго братства 1619 года. Очевидно, что его архіерейская подпись въ реестрѣ кievскаго братства никакъ не ранѣе 1633 года. Впрочемъ, этотъ «владыка луцкій и острожскій» былъ въ Кіевѣ и въ февралѣ 1647 года, при избраніи Сильвестра Коссова въ митрополиты кievскіе; а скончался онъ 1650 года 25-го декабря.

Исаія Трофимовичъ, Сильвестръ Коссовъ, Софроній Почаскій—мужи извѣстные въ нашей исторіи; но ихъ служеніе въ богоявленскомъ братствѣ принадлежитъ уже ко времени могиллинскому, и началось не ранѣе 1632 года. *Исаія Трофимовичъ Козловскій*, ближайшій сотрудникъ Петра Могилы, былъ взысканъ имъ изъ іеромонаховъ виленскаго братства. Едвали не отсюда взять былъ и монахъ *Сильвестръ Коссовъ*. Оба они, въ іюнѣ 1631 года, находились уже при Петрѣ Могилѣ, въ бытность его въ Львовѣ. *Софроній Почаскій* былъ изъ питомцевъ кievо-братской школы; онъ первый, подъ именемъ *Стефана Почаскаго*, означенъ въ числѣ двадцати учениковъ, читавшихъ надъ гробомъ гетмана Сагайдачнаго стихи или *отриси*, напечатанные того же 1622 года, отъ имени ректора и проповѣдника Кассіана Саковича. Черезъ десять лѣтъ послѣ того, Софроній Почаскій, уже какъ «профессоръ риторики» въ лаврской могиллинской школѣ, являлся къ великому архимандриту въ свѣтлое воспресеніе—съ 23-мя учениками и съ привѣтственными стихами, которые и напечатаны тѣмъ же 1632 году, подъ заглавіемъ «*Еохаристиріонъ* албо *Вдѣчность*». Того же года, вмѣстѣ со всею лаврскою школою, и Почаскій переведенъ былъ въ богоявленское брат-

ство. Тогда и Сильвестръ Коссовъ сталъ въ немъ профессоромъ и префектомъ.

Но обратимся къ старѣйшей братин, вступившей въ кievское братство еще при его началѣ. Изъ шести подписей, принадлежащихъ къ 1616 году, прочтемъ первыя три:

«Во иноцѣхъ *Захарія Коныстенскій* исповѣдникъ, яко и ненавидяци злое, прилѣпляющесе благому, составленное въ Кіевѣ градѣ братство принимаю и обლობязую, повинующесе апостолу, глаголющу: братолюбіемъ же другъ къ другу любезни. На сіе же и руку мою подписую. Писалъ дня 4 января по старому правдивому календарю, року 1616».

«Азъ во іеромонасѣхъ худѣйшій *Тарасій Л. Земка* братство православныхъ кievское при храмѣ святыхъ Божіеявленій похваляю, и самъ въ немъ быти и при немъ стояти желаючи, къ реестръ и имя свое вписую рубою».

«Азъ, треаканний *Іезекиил Курцевичъ*, архимандритъ монастыря терехтемировскаго, видя яко врагъ и ненавистникъ спасенія нашего пакостить во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ вещь зѣло добру составленіе братства во градѣ Кіевѣ, и того ради всегда есмь готовъ съ ними пострадати добро и зло, и кровь мою за благочестіе дати, и для того и руку мою подписую, власною рукою».

Не говорятъ ли собою эти три подписи, что кievское церковное братство тогда было дѣломъ новымъ, только что зачинавшимся, а не продолженіемъ прежняго?...

Захарія Коныстенскій въ ту пору былъ еще іеродіакономъ печерскаго монастыря, гдѣ и подвизался онъ въ непрестанныхъ книжныхъ трудахъ—отъ предисловнаго толкованія службъ въ Часословѣ 1617 года до предвѣденнаго для толкованія на Апобалинскъ, напечатаннаго въ 1625 году. По кончинѣ достопамятнаго обновителя печерской лавры, Елисея Плетенецкаго, *Захарія* былъ полтора года архимандритомъ

печерскимъ и скончался 1626 года, въ среду свѣтлой седмицы, оставивъ по себѣ память ученаго мужа и почительнаго пастыря.

Тарасій Левковичъ Земка, невидный нигдѣ въ продолженіе восьми лѣтъ, со времени его вступленія въ кievское братство (Не здѣсь ли и находился въ эти годы «мужъ ученый въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и русскомъ»? Такъ онъ названъ въ надгробной ему надписи), съ 1624 года видѣнь постоянно, изъ году въ годъ, въ печерскомъ монастырѣ—типографомъ, проповѣдникомъ, соборнымъ старцемъ. При этихъ должностяхъ въ лаврѣ, онъ былъ еще около пяти лѣтъ «игуменомъ богоявленскимъ кievскимъ», начиная съ 1627 года, какъ это видно по его подписи въ изданномъ того года «Лексиконѣ славенорусскомъ» архитепографа Памвы Беринды. Въ сентябрѣ 1632 года скончался Тарасій Земка, и съ нимъ оканчивалось старшее поколѣніе ученыхъ кievлянъ, отъ котораго оставался только одинъ, уже безвременный—Исаія Копинскій. Для чего же историки кievской академіи пишутъ, что Тарасій Земка принадлежалъ къ числу питомцевъ Петра Могилы, посланныхъ отъ него въ заграничныя училища и возвратившихся въ 1631 году? Справедливѣе было бы сказать, что воеводиць молдавскій, постритійся въ печерскіе иноки 1625 года, поучался церковному знанію и дѣлу у тогдашнихъ лаврянъ и приснопамятнаго митрополита Іова Борецкаго. Въ первоизданной Петромъ Могилою книгѣ—Служебникѣ 1629 года—предпослано знаменитое писаніе Тарасія Земки о литургіи.

Еще говорятъ историки, что въ 1631 году Тарасій былъ опредѣленъ въ ректоры братскихъ школъ. Но и въ этомъ году онъ былъ не ректоромъ, а игуменомъ богоявленскимъ. Это видно изъ его подписей на трехъ актахъ, относящихся къ учрежденію лаврской могилянской школы, писанныхъ въ исходѣ

1631 года (См. въ прибавленіяхъ къ «Описанію кієво-печерской лавры», сочиненному митрополитомъ Евгеніємъ). А въ это же время, именно въ сентябрѣ и октябрѣ 1631 года, видѣтъ изъ межигорскихъ актовъ «ректоръ братскихъ кіевскихъ школъ—*Томашъ Іевлевичъ*». Объ этомъ ректорѣ Іевлевичѣ не упомянуто ни въ одной исторіи академіи; но онъ былъ уже объявленъ въ моей «Книжной старинѣ южно-русской», напечатанной въ Кіевлянинѣ 1850 года (см. на стр. 128).

Іезскіилъ Курцевичъ былъ архимандритомъ терехтемировскаго успенскаго монастыря до 1620 года, въ которомъ, при возстановленіи кіевской православной митрополіи, онъ посвященъ былъ въ епископы владимірскіе и брестскіе. Его собственноручную подпись можно видѣть въ памятникахъ лужскаго крестовоздвиженскаго братства, на вышепомянутомъ листѣ 1619 года. Въ историческихъ сочиненіяхъ онъ является обыкновенно не подъ своимъ именемъ. Еще въ «лѣтописцѣ густыпскаго монастыря» онъ названъ *Іосифомъ Курцевичемъ*; такъ принято и въ Описаніи кієво-софійскаго собора (стр. 156 и 157). Въ «Памятникахъ кіевской комиссіи» подпись его напечатана съ именемъ *Іезскіилъ Куревича*. Такъ она повторена и въ книгѣ г. Асоченскаго (стр. 74); но тамъ же далѣе говорится объ *Іосифѣ* епископѣ владимірскомъ (стр. 90), какъ будто о другомъ лицѣ. Впрочемъ, подобныя измѣненія собственныхъ именъ встрѣчаются не рѣдко. Сама Анна Гудевичевна, еще и въ исторіи о. Магарія, зовется не иначе, какъ *Гудевичевою*, и къ этому сл. прозванію привыкли было все академисты.

IV.

Первоначальное собраніе кіевского братства, въ которомъ было принято и подписано братское обязательство, происходило, какъ по всему видно, 1615 года 9 декабря, въ

именинный день Анны Гулевичевны. Къ тому же дню устроена была при гостинницѣ домовая церковь *Зачатія св. Анны*;— и сталъ этотъ день на-долго торжественнымъ праздникомъ въ братствѣ. Извѣстіе, что аннинская гостинническая церковь устроена была еще Гулевичевою, хотя принадлежить позднѣйшему времени ¹⁾, по его нельзя не принять, имѣя въ виду пребываніе тамъ молитвеннаго мужа, Исаія Копинскаго, съ монашествующею братіей, которые не могли-же обойтись безъ своей церкви.

Вскорѣ послѣ того заложена была въ братскомъ дворѣ большая церковь, именемъ которой и назвалось самое братство. Объ ней не упоминается еще ни въ предисловномъ братскомъ обязательствѣ, ни въ подписи Захаріи Конисченскаго 4 генваря 1616 года. Но въ слѣдующей за тѣмъ подписи Тарасія Земыи, принадлежащей очевидно къ тому же году, сказано: «братство православное кievское—при *срамѣ святыхъ Богоявленій*». Это упоминаніе о церкви богоявленской даетъ намъ разумѣть, что она была заложена въ 1616 г., и вѣроятно 6 го генваря, въ день св. Богоявленія, который у прежнихъ кievлянъ былъ городovýmъ праздникомъ и сопровождался особою, торжественною церемоніею подъ предводительствомъ кievскаго войта.

Но построеніе этой новозаложенной братской церкви было позднѣе. Въ 1616-мъ году въ кievскомъ братствѣ не стало первоначальника его, Исаія Копинскаго. Онъ упрощенъ былъ на устроеніе монастырей густынского и ладинскаго подъ городомъ Прилукою, принадлежавшихъ тогда къ украинскому владѣнію князя Михаила Михайловича Вишневецкаго. Въ тѣхъ двухъ монастыряхъ и было около 15-ти лѣтъ люб-

¹⁾ Такъ сказано у митр. Евгенія въ «раткомъ свидѣніи о началѣ кievской академіи» (см. въ приложеніи къ Описанію кievско-софійскаго собора 1825 г. стр. 222).

мое мѣстопробываніе Исаіи, начальству котораго княгиня Раина Вишневская, урожденная Могилевна, поручила и всѣ церкви въ городахъ и селахъ той обширной украинской Вишневщины.

Кто же послѣ Исаіи былъ старшимъ въ кievскомъ братствѣ? Объ этомъ не сохранилось тогдашнего извѣстія. Между тогдашними кievо-подольскими священниками, въ особенномъ уваженіи и любви народной былъ настоятель воскресенской церкви, Іоаннъ Матвѣевичъ Борецкій—питомецъ львовскаго братства, бывшій тамъ съ 1604 года ректоромъ и учителемъ языковъ греческаго и латинскаго. Но этотъ добродѣтельный и просвѣщенный мужъ въ 1617-мъ году перемѣстился въ золотоверхій михайловскій монастырь, гдѣ принялъ монашество ¹⁾, съ именемъ Іова; а въ концѣ слѣдующаго года избранъ былъ въ игумены, на мѣсто умершаго Іосифа Мировскаго.

Между тѣмъ явился новый строитель кievскаго братства— «мужъ христіанскихъ добродѣтелей и милостивъ полный», по выраженію Іова Борецкаго. То былъ питомецъ острожскихъ школъ и запорожской Сѣчи, гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, уроженецъ червонорусскій. Послѣ многихъ войнъ и походовъ, онъ въ 1619-мъ году предпочелъ въ своемъ кievскомъ дому, гдѣ находилась его жена Анастасія, урожденная Цовчепская. Въ то время, вспомагалъ православнымъ монастырямъ и церквамъ на Украинѣ, онъ построилъ въ кievскомъ братствѣ *Богоявленскую церковь* съ приделомъ св. *Благовѣщенія*.

¹⁾ Его примѣру послѣдовала и жена его, Никифора Федоровна Чеховичевна; она постриглась въ монахини и была игуменьей полоустроеннаго богословскаго девичьяго монастыря. Меньшій братъ Іова, Порфирій Борецкій, былъ терехтемировскимъ игуменомъ, въ экстрополитство Петра Могилы.

Объ этомъ построеніи братской церкви была современная замѣтка въ старомъ ся синодикѣ, который къ сожалѣнію не сохранился. Припей Фальковский, ссылаясь на 121 листъ того синодика, въ своемъ «кіевскомъ мѣсяцесловѣ на лѣто 1799» говоритъ: «церковь бывшаго кіево-братскаго на Подолѣ монастыря Богоявленій Господнихъ, деревянная создана запорожскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, 1620 года» (стр. 40).

Вслѣдъ за тѣмъ онъ построилъ на Подолѣ и другую церковь во имя св *Василія*,—какъ это видно изъ универсала, давнаго братскому монастырю въ 1659 году кіевскимъ полковникомъ Василиемъ Дворецкимъ, гдѣ сказано: «отъ грунта церкви Васильевское мѣское, прѣзь тогожъ Сагайдачнаго уфундованое» ¹⁾).

Такимъ образомъ, усердіемъ незабвеннаго гетмана, прибавились двѣ новыя церкви къ восьми, бывшимъ тогда на Подолѣ. Между ними соборною издавна была Успенская или Пречистенская, которую въ тѣ поры называли обыкновенно *Матерь Божія*, а ся пастырей—«протопопами матербожскими» ²⁾. Пребываніе Сагайдачнаго въ Кіевѣ было временемъ обновленія церковнаго. Патріархъ Теофанъ, въ своей второй грамотѣ 1620 года, говоритъ о себѣ, что посѣтилъ онъ церкви въ самомъ городѣ Кіевѣ, «почавши отъ церкви соборной Успенія Пресвятыя Богородицы, митрополіи кіевской,

¹⁾ На второй моголицкой записи о царской школѣ 1681 года подписанъ «Іаковъ Теоодоровичъ, священникъ въсильевскій кіевскій, рукою власною». Объ этой церкви *Василія Великаго* на Подолѣ упоминается и въ «Росписи Кіеву» 1681 года.

²⁾ На той же моголицкой записи подписанъ: «Федоръ Березницкій, недостойный протопопа Кіевскій Матробоуѣй, рукою власною». Слѣдствіе воеводскія листы князя К. К. Острожскаго на пору Щекочинцу, отданую 1581 г. протопопу о. *Григорію* Михайловичу.

посредѣ града муромъ и Спаса святого деревомъ новообновленные и копитомъ великимъ благочестивыхъ гражданъ кievскихъ украшенные, и иные».

Городомъ Кіевомъ, какъ извѣстно, назывался тогда собственно Подоль. Надъ нимъ возвышались: кievскій замокъ, бывший на горѣ Киселевѣ, и древній, нагорный Кіевъ, называвшійся тогда «Старымъ тородинцемъ».

V.

Въ 1620 году, среди великаго поста, въ братской гостинницѣ остановился достопамятный духовный странникъ, іерусалимскій патріархъ Теофанъ, бывший въ Москвѣ и тамъ посвятившій въ патріархи государева отца Филарета Никитича. При немъ находился экзархъ патріаршаго престола константинопольскаго, Арсеній, архимандритъ великой церкви. Тогда кievское братство около десяти мѣсяцевъ было, можно сказать, средоточіемъ кievской іерархіи, куда со всѣхъ ея концовъ притекали обрадовавшие православные люди. Теофанъ не замедлил посѣтить монастыри Печерскій, Пустынно-Никольскій, Золотоверхо-Михайловскій, Кирилловскій, Межигорскій и Терехтемировскій, и всѣ приходскія церкви въ самомъ Кіевѣ, а потомъ онъ далъ кievскому братству двѣ благословенныя грамоты.

Въ первой грамотѣ, 17-го мая, сказано: «смиренія нашего благословеніемъ, поводруженное братство богоспасаемаго града Кіева благословяхомъ и хартією нашею благословенною въ вѣчные роды уерѣпихомъ». Изъ нея видно, что, по прошенію братій, патріархъ изъявилъ согласіе основать въ Кіевѣ, по примѣру прочихъ братствъ западнорусскихъ, братство *юношеское*: «братство *младенческое*, старѣйшему

братству единомысленное и повинующееся о Господѣ, заложити изволюще, благословихомъ»¹⁾.

Вторая грамота 26-го мая дана кievскому братству на патріаршую *ставропигію*. Въ ней сказано: «видячи церкви Божія великое озлобленіе отъ апостатовъ, законопреступныхъ пастырей ихъ, бывшихъ въ земли русекой²⁾, на знакъ бытности нашей въ мѣстѣ Кіевѣ,—на *грунтѣ братскоиъ, при церкви святыхъ Богоявленіи и Благовѣщенія*, крестъ водружаемъ и ставропигіонъ патріаршеское достойно быти судивши, благословляемъ». Этою же грамотою Оеофанъ благословилъ находящихся въ братствѣ молодыхъ иноковъ—«*способомъ монастырскимъ, по закону св. Василія, общежительно быти*».

Такимъ образомъ исполнилось уже все, что предназначала для кievскаго братства основательница его, Анна Гулевичевна. Съ 1615 года была тутъ *школа* для дѣтей всякаго званія и *гостинница* для духовныхъ странниковъ; а въ 1620 году сталъ здѣсь и *монастырь ставропигій патріаршей*.

Даны были Оеофаномъ грамоты на ставропигію и межигорскому монастырю, и двумъ новымъ братствамъ, луцкому Крестовоздвиженскому и слущкому Преображенскому. По важнѣйшимъ дѣломъ іерусалимскаго патріарха было возстановленіе православной митрополіи кievской, на которое онъ рѣшился по общему желанію здѣшнихъ православныхъ людей и по особенному настоянію гетмана Сагайдачнаго. Въ печерской лаврѣ, въ храмовой день ея (15-го августа), при вели-

¹⁾ Это братство состояло изъ юношей или молодцовъ, еще недостигшихъ полнаго мужества и «иенскусобранихъ», какъ сказано въ грамотѣ митрополита Чалы Чалыпскаго, датной 1632 г. *«монастырскому братству луцкому»*.

²⁾ Тутъ разумѣются отступники отъ православія, прижавшіе унію—митрополитъ Михаилъ Рогоза, епископы Кирилъ Терлецкій, Ипатій Потѣй и прочіе

комъ множествѣ народа, посвященъ былъ въ кievскіе митрополиты *Іовъ Борецкій*. Послѣ того были посвящены патріархомъ и другіе духовные пастыри на епископскія мѣста, занятія уніатами, а именно: *Мелетій Смотрицкій*, архимандритъ и ректоръ виленскій, въ архіепископы полоцкіе; *Іезекииль Курисовичъ*—въ епископы владимірскіе и брестскіе; *Исаія Ротинскій*—въ епископы перемишльскіе; *Исакій Борисовичъ*, игуменъ черницінскій—въ епископы луцкіе и острожскіе; *Паисій Инномитовичъ*, игуменъ мелецкій—въ епископы холмскіе и белзьскіе; а на епископство пинское и туровское поставленъ былъ грекъ *Аврамій*, епископъ стагонскій.

Между тѣмъ какъ происходило посвященіе православныхъ епископовъ, Станиславъ Жолкевскій, бывшій воеводою кievскимъ и короннымъ гетманомъ, потерпѣлъ страшное пораженіе отъ турковъ на р. Цецорѣ, въ которомъ и погибъ онъ, а прочіе военачальники польскіе взяты были въ плѣнъ. По этому случаю былъ въ октябрѣ того года варшавскій сеймъ, для выбора новыхъ военачальниковъ и для совѣта о новой войнѣ, въ которомъ принималъ участіе и гетманъ Сагайдачный.

Въ генварѣ 1621 года, послѣ праздника Богоявленія, патріархъ Теофанъ простился съ Кіевомъ, благословивъ братство еще третьею, поучительною грамотою, 7-го генваря, и своимъ кинариснымъ крестомъ, который до нынѣ находится надъ царскими вратами братской богоявленской церкви. Гетманъ Сагайдачный, съ своими казаками и многими духовными лицами, провожалъ патріарха до Волошской границы, гдѣ и расстались въ городѣ Бушѣ.

VI.

Посмотримъ теперь на разныя извѣстія и мнѣнія о кievскомъ братствѣ того времени, встрѣчаемыя у историковъ академій.

У Евгенія—въ «краткомъ свѣденіи»—сказано, что «по отъѣздѣ патріарха Теофана, возставшее отъ католиковъ и униатовъ гоненіе на новопосвященнаго имъ митрополита кіевскаго Іова Борецкаго и другихъ православныхъ епископовъ, разрушило сіе заведеніе. А хотя церковь братскую обновилъ въ 1622 году гетманъ войскъ запорожскихъ Петръ Конашевичъ—Сагайдачный и братство поддерживалъ, но училища возстановить не смѣлъ безъ дозволенія польскаго короля, и уже въ 1629 году февраля 19-го получилъ отъ короля Сигизмунда III-го грамоту, позволяющую имѣть богоявленскому братству церковь для совершенія Божіей службы по закону греческому, съ училищемъ».... и т. д. (стр. 210).

Но гетманъ Сагайдачный въ тѣ годы былъ уже въ такой силѣ, что весьма могъ и самъ собою обновить братскую школу. А если бы даже и для этого понадобилось дозволеніе королевское, онъ легко могъ получить его. Не отказалъ же король луцкому братству 1619 года въ дозвоительной грамотѣ на построеніе церкви, богадѣльни и школы. Впрочемъ, кіево-братская школа продолжалась и въ 1622 году: тому свидѣтели—ректоръ Саковичъ съ 20-тью учениками, читавшими его стихи надъ гробомъ Сагайдачнаго¹⁾. А въ Жигимонтовой грамотѣ, данной кіевскому братству 1629 года (т. е. черезъ

¹⁾ Вотъ списокъ тѣхъ учениковъ или *судесовъ*, извлеченный изъ книги: «Вѣрній на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана войска Его К. М. Запорозскаго. Зложояки презъ инока Кассіана Саковича, ректора школы кіевскихъ въ братствѣ»:

1) Стефанъ Почаскій. 2) Петръ Созолоновичъ Балыка. 3) Іоаннъ Савовичъ. 4) Теофилактъ Іоанновичъ, бурмистровичъ К. 5) Іоаннъ Тарнавскій, проголодовичъ К. 6) Теодоръ Скаревскій. 7) Леонтій Балыка, бурмистровичъ К. 8) Іеремія Страровскій. 9) Іоаннъ Стодкій. 10) Николай Отрешкевичъ. 11) Іоаннъ Пелтицкій. 12) Евдокій, Самуиловичъ. 13) Матей Кизимовичъ. 14) Григорій Кондратовичъ. 15) Димитръ Криковичъ. 16) Лукашъ Берында. 17) Георгій Вороничъ. 18) Карлъ Михайловичъ. 19) Симеонъ Шуга.

семь лѣтъ послѣ смерти Сагайдачнаго), даже нѣтъ и рѣчи объ училищѣ, какъ будто его и не было.

Неизвѣстно, по какому именно поводу была исполнена эта несвоевременная и недостаточная королевская грамота. Макарій и Асхоченскій указываютъ передъ нею на прекратившуюся польско-козацкую войну, т. е. на войну Тарасову. Но это указаніе напрасное, потому что Тарасова война была въ слѣдующемъ 1630-мъ году, а не въ предыдущемъ 1628-мъ, подъ которымъ она ошибочно значится у малороссійскихъ историковъ.

Что же касается до опустошенія кіевскаго братства по отѣздѣ іерусалимскаго патріарха, то въ исторіи Макарія сказано такъ, что гонители православія тогда, «произвели, особенно въ Кіевѣ, страшные грабежи монастырей и церквей, и братское училище, вмѣстѣ съ своею гостинницею и церковью, вновь потерпѣло совершенное разореніе»... (стр. 20). Въ книгѣ Асхоченскаго это разореніе представлено въ такихъ чертахъ: «въ это-то бурное время, на-равнѣ съ прочими, и кіевское училище подверглось опустошенію. Братство разсѣяно; ученики и учителя умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостинница разорена, и не осталось бы камня на камнѣ, если бы гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ своими козаками не останавливалъ буйства грабителей и убійцъ» (1. 91).

Но тутъ останавливаетъ слѣдующее обстоятельство: если бы нападеніе на кіевское братство въ 1621-мъ году было такое ужасное, то уцѣлѣвшій отъ него ближайшій его свидѣтель, ректоръ Кассіанъ Саковичъ, не преминулъ бы провозгласить о немъ въ своихъ *выпискахъ*, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того писанныхъ. Вспомнимъ, какъ Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ *Извѣщеніи*, изобразилъ ту опасность, которая въ 1633 году только угрожала учителямъ братской

коллегии, гдѣ и онъ тогда находился. Но Саковичъ, передающій многія тогдашнія подробности, не говоритъ ни о разореніи кievскаго братства, ни о возобновленіи его Сагайдачнымъ. Что значитъ такое молчаніе? Не то ли, что покушеніе или нападеніе на кievское братство не было такимъ страшнымъ, какъ его рисуютъ? Каковъ бы ни былъ новопоставленный кievскій воевода Оома Замоискій; но тогдашніе кievскіе мѣщане не были такъ слабы и уступчивы, чтобы у себя, среди города, допустить сопротивниковъ своихъ на такія неистовства.

Но возвратимся къ повѣствованію г. Аскоченскаго о Сагайдачномъ.

VII.

«Огорченный вѣроломствомъ поляковъ, онъ (Сагайдачный) отказался помогать имъ противъ турковъ, и подвигшись съ своимъ станомъ, перешелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Малороссію».

Нѣтъ, гетманъ Сагайдачный воротился изъ-за Днѣстра на Украину уже по окончаніи хотинской войны, въ которой онъ, съ 40-тысячнымъ козацкимъ войскомъ, принималъ весьма дѣятельное участіе,—какъ это видно изъ нѣсколькихъ польскихъ дневниковъ и лѣтописцевъ южнорусскихъ. Кассіанъ Саковичъ, вспомянувъ о цецорскомъ пораженіи Жолкевскаго, при которомъ не было тогда войска запорожскаго, говоритъ:

«Бо и въ тойрочной войнѣ Богъ вѣсть якъ было,
Гды оы запорожское войско не прибыло,
Которое съ короннымъ войскомъ обоѣ ставши,
Менше поганъ разило, въ помощь Бога взявши.

*

Оттоль вѣдаймо, чого згода доказуеть,
Домы, пацства и царства щале заховуеть.
Дай Боже згodu межи всѣми христіаны
И звияжство христіанскимъ царомъ на поганы!»!

Доблестный гетманъ Сагайдачный воротился въ Кіевъ съ хотинской войны передъ филипповскимъ заговѣньемъ, обремененный тяжелыми ранами, отъ которыхъ и скончался черезъ пять мѣсяцевъ, на проводной недѣлѣ.

Далѣе въ книгѣ Аскаченскаго написано: «Съ прибытіемъ Сагайдачнаго въ Кіевъ гоненіе на православныхъ значительно стало утихать. Онъ началъ отнимать вооруженною рукою церкви, занятыя католиками и уніатами, и овладѣвъ остатками кіево-братскаго монастыря, занялся возобновленіемъ какъ его, такъ и находившагося при немъ училища. Не жалѣя никакихъ издержекъ, Сагайдачный поручилъ постройки свѣдущему въ архитектурѣ гетману Жицкому, далъ монастырю села, и возстановилъ школу, пожертвовавъ ей все свое достояніе. Устроивъ все, какъ должно, Сагайдачный окончательно сложилъ съ себя гетманство и принялъ иноческій сапъ» (ч. I. 91).

Но изъ современныхъ сказаній не видно, чтобы въ 1621-мъ году были захвачены въ Кіевѣ католиками и уніатами разныя церкви и богоявленское братство и чтобы лежащій на одрѣ болѣзни гетманъ возвращалъ ихъ вооруженною рукою. По свидѣтельству Саковича, онъ—

«Ку смерти ся отъ килку недель готуючи,
Сповѣдо и жалостю грѣхи ветуючи,
Тайву седьмькротъ принялъ маслосвященія,
Такъ телеъ тайны святого зъ нимъ причащенія;
Масность свою роздалъ, едину на шпиталѣ,
Другую зась на церкви, школы, монастырѣ».

И мы знаемъ изъ универсаловъ гетманскихъ, что Сагайдачный укрѣпилъ и за корсунскимъ и за мотронинскимъ монастырями нѣкоторыя угодья. Но о *селахъ*, данныхъ отъ него кievо-братскому монастырю, не знали и коллегіаты XVII-го вѣка. Кіевскому братству далъ онъ нѣсколько тысячъ золотыхъ (червонцевъ),—собственно на школу, на науки, какъ свидѣлствуетъ Саковичъ. Кромѣ того Сагайдачный завѣщаль полторы тысячи золотыхъ «на школу братства львовскаго, на науку и на приращеніе бакаляровъ ученихъ», какъ сказано въ записи 1622 года, данной его душеприкащиками, митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и гетманомъ Олифеиромъ Остановичемъ Голубомъ. Объ этомъ пожертвованіи говоритъ и Саковичъ, упоминая при томъ, что Сагайдачный надѣлилъ пескудно и братскую церковь во Львовѣ.

Въ церкви кievо-братской до нынѣ сохранился большой золочено-серебряный ручной крестъ, обсаженный девятью камнями, съ такою надписью: «року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичъ-Сагайдачный гетманъ войска его в. м. запорозкаго, до церкви святого Богоявленія Господня, въ домъ братскій, на отпущеніе грѣховъ своихъ». Можно опредѣлительно сказать, что въ кievскомъ братствѣ гетманъ Сагайдачный былъ строителемъ богоявленской церкви и фундаторомъ братскихъ школъ, по которымъ особенно и вспоминали его. Такъ въ универсалѣ кievскаго полковника Дворецкаго 1659-го года сказано: «монастыреви Богоявленія Господня брацкому кievскому и школамъ, при немъ будущимъ для наукъ высокихъ, презъ побожнихъ а вельце славныхъ годной памяти людей, то есть презъ пана Сагайдачнаго, гетмана войска запорозкаго и презъ преосвященнаго въ Богъ вѣчнаго отца Петра Могилу митрополита кievскаго, съ умыслу побожне для обороны отъ супостатъ вѣры и церкви православныя, за часу гоненія ихъ, фундованнымъ».

Что же касается до свѣдущаго въ архитектурѣ гетмана *Петра Жицкаго*, то онъ есть не иной кто, какъ *Иванъ Петрежицкий*, бывший гетманомъ въ 1632-мъ году, о которомъ говорится и въ книгѣ Аскоченскаго (ч. I. 113), но особо отъ *Жицкаго*. Это лицо принадлежитъ «Исторіи руссовъ», которая у насъ лѣтъ за сорокъ пошла въ ходъ, подъ славнымъ именемъ *Георгія Конискаго* ¹⁾.

О монашествѣ гетмана *Сагайдачнаго* не говорили наши иноки ни въ XVII-мъ, ни въ прошломъ столѣтіи,—безъ сомнѣнія потому, что онъ и не былъ монахомъ; а еслибъ былъ, то не умолчали бы о томъ ни *Кассіанъ Саковичъ*, ни другіе черноризцы кievскіе. Первое извѣстіе о томъ появилось 1796 г., въ «Исторіи Украины» *Энгеля*, который, не понимая что значить вступленіе въ церковное братство, принялъ его за постриженіе въ монашество. Это недоразумѣніе нѣмца *Энгеля* у насъ распространилъ *Балтышъ-Каменскій*, вторымъ изданіемъ своей «Исторіи Малой Россіи», напечатаннымъ 1829 г.

¹⁾ Весьма замѣчательная въ отношеніи художественномъ, она преисполнена свѣдѣній истинныхъ и смѣшанныхъ, въ распространенію которыхъ послужила не мало «Исторія Малороссіи» *Маркевича*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ «Исторіи Руссовъ» о гетманѣ *Сагайдачномъ*:

... «А самъ, бывши словеснымъ правителемъ гетманства, поправлялъ внутренніе безпорядки правительственныя и воинскіе, воспещалъ усильно униатство, возвращалъ съ него церкви, а въ томъ числѣ воротилъ и соборную кievскую Софію, созидалъ вновь церкви, и между тѣмъ построилъ братскій кievскій монастырь на Подолѣ, подъ распорядженіемъ гетмана *Петра Жицкаго*, яко въ архитектурѣ свѣдущаго; падалъ сему монастырю достаточныя деревни, и возобновилъ въ немъ, съ помощію митрополита кievскаго *Петра Могила*, древнюю кievскую академию, заведенную со временъ послѣдняго крещенія Россіи, по отъпащенію и разоренію татарскаго крившусь въ разныхъ монастыряхъ и пещерахъ. И починилъ *Сагайдачный* въ полной славіи великаго и славнаго гетмана малороссійскаго болѣе двадцати лѣтъ, скончался въ Кіевѣ въ 1622-мъ году и погребенъ въ церкви того созданнаго имъ братскаго монастыря, коего почитался онъ главнымъ пикторомъ.»

Неужели это написано перомъ *Георгія Конискаго*!

Отсюда монашество Сагайдачнаго принято было в митрополитомъ Евгеніемъ (см. въ прибавленіи къ Кіевскому Синодсису—1836 г., списокъ малороссійскихъ гетмановъ). Тогда и въ кіевскомъ братствѣ стали было даже поминать Сагайдачнаго подъ именемъ «инока Павла», о чемъ я слышать отъ самаго Иннокентія въ 1840 году

Въ старомъ помянникѣ в. михайловскаго монастыря находится слѣдующая современная замѣтка: «Рокѹ 1622 *апрѣля* 10 дня, благочестивый мужъ панъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный гетманъ войска Его К. М. запорозкаго, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложѣ своемъ простеръ позѣ своей, приложися къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ исполнить благихъ дѣлъ и милостыни, въ Кіевѣ. Погребенъ *при церкви школы словеснаго*, въ мѣстѣ, на Подолѣ честно, въ дому братства церковнаго».

Сходно съ этимъ и у Саковича сказано, что Сагайдачный погребенъ «*при церкви братской*»—«юже онъ гетманъ Петръ созда»—написано было въ старомъ синодикѣ этой церкви. Самуиль Величко сказалъ въ своей лѣтописи, что гетманъ Сагайдачный «погребенъ честно и знаменито, чрезъ преосвященнаго митрополита своего кіевскаго оца Іова Борецкаго, *при церкви соборной* въ томъ же монастыру брацкомъ кіевскомъ сущей». Но Стефанъ Лукомскій, въ своей исторіи двухъ войнъ, написанной въ городѣ Прилукѣ 1770 г., пользуясь лѣтописью Величка, передѣлать по своему и назначилъ мѣсто погребенія Сагайдачнаго—«*въ трапезѣ того монастыря*»

Но гдѣ же надгробный камень, о которомъ упоминаетъ Саковичъ, приводя и самую надпись? Можетъ быть, онъ оставленъ на своемъ мѣстѣ, при построеніи нынѣшней каменной

богоявленской церкви, въ 1693-мъ году, и вошелъ въ ея основаніе. Прочтемъ послѣдніе четыре стиха той надписи:

«Року тысяча шесть сотъ двадцать второго,
Погребенъ въ монастыри братства кіевскаго.
На который тысячій килка офѣроваль,
Ажъ бы тамъ науки фундовано, жадалъ».

VIII.

«Погребенъ въ монастырь братства кіевскаго»... говоритъ тогдашній ректоръ братскихъ школъ. Итакъ, напрасно утверждалъ Евгеній, а за нимъ и Макарій, что кіевское братство еще не называлось монастыремъ, или—что въ немъ еще не было монастыря даже до 1633 года, до митрополитства Петра Могилы. Нельзя согласиться и съ тѣмъ ихъ утвержденіемъ, будто право *ставропигіи* дано было патріархомъ Теофаномъ только братской церкви, а не монастырю; потому, говорятъ они, и могъ Петръ Могила подчинить ново-заведенный братскій монастырь своей епархіальной власти, не нарушая тѣмъ права ставропигіи патріаршей. Въ книгѣ Аскаченскаго сказано сначала, что Теофанъ утвердилъ право ставропигіи за богоявленскимъ училищнымъ монастыремъ (1. 88); но потомъ, говоря о подчиненіи монастыря епархіальной власти, Аскаченскій замѣчаетъ, что «этотъ поступокъ Петра Могилы не нарушалъ права ставропигіи, даннаго патріархомъ Теофаномъ: ибо ставропигія принадлежала не монастырю, а только церкви существовавшей въ то время» (1. 331). Если уже такъ отдѣлять монастырь отъ церкви, то начало братскаго монастыря надо признать еще съ октября 1615 года, когда здѣсь водворились Исаія Копинскій и прочіе иноки, и тогда здѣсь не было еще богоявленской церкви. Въ 1620 году патріархъ Теофанъ, грамотою 26 мая, благословилъ здѣшнихъ иноковъ «способомъ монастырскимъ общежительно

быти»; а также онъ благословилъ здѣсь быть *ставропиги* *патріаршей*, водрузивъ крестъ «*на грядиши братскому*, при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія». Отсюда видно, что право ставропигіи дано было не только церкви, но и состоящему при ней монастырю—*всему дому братскому*, по выраженію того времени. Такъ и разумѣли тогдашніе православные люди, духовные и свѣтскіе, называя патріаршею ставропигіею цѣлое богоявленское братство. О томъ свидѣтельствуя извѣстныя три записи, данныя Петру Могила отъ духовенства, шляхетства и запорожскаго войска.—«Мы Исаія Копинскій, милостію Божіею архіепископъ кievскій, галицкій и всея Россіи, митрополитъ православный, и мы все православные епископы, архимандриты, игумены, іеромонахи, протопопы, іереи и иноцы, сынове святое восточное апостольское церкви, послушенства архіепископа константинопольскаго и вселенскаго патріарха, а братія уписные *братства церковнаго кievскаго, ставропигіумъ патріарха константинопольскаго*, пастыря нашего, при церкви святыхъ Богоявленій, въ мѣстѣ Кіевѣ будучаго»... и т. д.

Какъ этою записью, такъ и двумя другими, Петру Могила, еще до митрополитства его, предоставлено было, на всю его жизнь—*старшинство* надъ монастыремъ и надъ всѣмъ, что принадлежало къ кievскому братству. Ему какъ *любопослушнику* патріарха константинопольскаго, также признававшему братство кievское патріаршею ставропигіею, не для чего было и нарушать ставропигіальнаго права какимъ-то особеннымъ подчиненіемъ братскаго монастыря своей епархіальной власти, отдѣльно отъ братской церкви. А новособранная Петромъ Могилою община ученыхъ иноковъ, еще и до перевода ~~из~~ изъ лавры въ братскій монастырь, была ~~подчинена~~ ему, какъ архимандриту печерскому и своему *фундатору*.

Итакъ можно сказать утвердительно, что богоявленскій братскій монастырь, съ правомъ патріаршей ставропигіи, существовалъ съ 26-го мая 1620 года. Но кто былъ тогда игуменомъ богоявленскимъ, это неизвѣстно. А съ 1627 года былъ здѣсь *игуменомъ* знаменитый *Тарасій Левковичъ Земка*, продолжавшій при томъ свое прежнее служеніе въ печерской лаврѣ, гдѣ и скончался 13-го сентября 1632 года. Замѣчено выше, что историки напрасно назначали его въ ректоры братскихъ школъ 1631 года: *ректоромъ* тогда былъ *Томашъ Левковичъ*. Игуменство и ректорство соединились въ одномъ лицѣ уже впоследствии. Неизвѣстно, съ кого именно это началось; Иннокентій Гизель съ 1647-го года подписывался уже «игуменъ и ректоръ». Исторія кievской академіи не собрала еще всѣхъ отцевъ коллегіатовъ моголинскаго времени. Такъ, на-примѣръ, въ ней не являлся еще ни разу предмѣстникъ Игнатія Старушича *игуменъ Леонтій Андреевичъ Бронкевичъ*, который занимался возобновленіемъ древней *трехсвятительской* (т. е. Васильевской) церкви, по порученію Петра Могилы.

IX.

О кievобратской школѣ перваго 17-тилѣтія мало сохранилось извѣстій положительныхъ; даже то мѣсто въ Ософановой граматѣ, гдѣ говорится о школѣ, по неизвѣстности подлинника, имѣетъ читается въ двухъ варіантахъ. По одному, напечатанному въ «Исторіи іерархіи россійской» (Ч. I.), такое чтеніе: «школу *еллино-словенскаго* и *латино-польскаго* письма». По другому, изданному въ Памятникахъ кievск. врем. комисіи» (т II), читается такъ: «школу *еллино-словенскаго* и *латинскаго* письма». Отсюда выходитъ значительная разница въ заключеніяхъ о преподаваніи языковъ въ тогдашней кievской школѣ.

Евгеній и Макарій держались перваго чтенія, по которому выходить, что въ кievской школѣ учили *четыремъ* языкамъ. У Евгенія, въ краткомъ свѣдѣніи, сказано напротивъ, что до 1620 года въ этой школѣ обучали юношество только русской грамотѣ и латинской словесности; а Теофанъ «повелѣлъ распространить кругъ наукъ еще обученіемъ греческаго и польскаго языковъ» (стр. 209). Но не въ обычаѣ и не въ духѣ тогдашнихъ православно-русскихъ школъ было бы учить латинскому языку безъ греческаго; да и въ томъ же краткомъ свѣдѣніи сказано далѣе, что «языкъ греческій заведенъ былъ съ самаго начала сего училища» (стр. 217). Такимъ образомъ къ Теофанову повелѣнію могла бы относиться только прибавка языка *польскаго*. Но патріарху іерусалимскому едва ли свойственно было дѣлать такую прибавку; да онъ, какъ видно, и не вмѣшивался въ кругъ преподаванія; во второй граматѣ своей онъ говоритъ о кievской школѣ, какую онъ засталъ, видѣлъ и благословилъ.

Въ книгѣ Аскаченскаго (ч. I. стр. 87) сначала принятъ второй вариантъ граматы, называющій школу *еллино-словенскаго и латинскаго* письма, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь учили только этимъ *тремя* языкамъ. Однако въ той же книгѣ говорится далѣе, что «до Петра Могилы въ школахъ кievскихъ существовало преподаваніе и польскаго языка; но съ переименованіемъ оныхъ въ коллегію и съ введеніемъ новой программы, нарѣчіе польское исключено, какъ совершенно не нужное» (ч. II. 149).

О прекращеніи въ кievской коллегіи четвертаго языка, т. е. польскаго, говорилось еще въ Исторіи Макарія, съ та кимъ предположеніемъ, что это сдѣлано «можетъ быть и по особенной неприязни къ полякамъ, какъ гонителямъ православныхъ» (стр. 152). Въ книгѣ Аскаченскаго тоже сказано: такому исключенію *можетъ быть* содѣйствовало еще и то

обстоятельство, что нарѣчіе это принадлежало отъявленнымъ гонителямъ православія и притѣснителямъ Угравны».

Но здѣсь прекращается историками польскій языкъ въ кievской школѣ именно тогда, когда онъ только начинаетъ въ ней проявляться со всюю свѣжестью нововведенія. Вспомнимъ, чѣмъ привѣтствовали ученики преобразованной кievской школы митрополитство своего мецената въ 1633-мъ году: *польскими* стихами, напечатанными въ лаврѣ подъ именемъ Mnemosyne. Профессоромъ иностранныхъ языковъ здѣсь былъ три года Сильвестръ Коссовъ, такой любитель польцизмы, что и въ послѣдніе годы его митрополитства (1657), когда Кіевъ и вся Малороссія были уже подъ русскою державою, даже дѣловыя бумаги у него въ кievско-софійской капитулѣ были писаны по-польски (см. образчикъ въ Описаніи кievско-софійскаго собора, стр. 251, съ собственноручными подписями: Sylvester Kossow... Lasarz Baranowicz... Klemens Staruszyecz... Theodosius Sophonowicz...) Самъ Петръ Могила, принадлежавшій до своего монашества къ рыцарству польскому, любилъ польскій языкъ, на которомъ и передъ кончиною своею написалъ онъ достопамятное для кievской коллегіи завѣщаніе. Итакъ, въ кievской коллегіи не было предполагаемой нелюбви къ языку польскому, и можно думать, что онъ былъ нѣкоторое время преподаваемъ и въ ней, по примѣру братскихъ школъ виленьской и могилевской.

Историки академіи вводятъ и прекращаютъ польскій языкъ слишкомъ произвольно. Такъ у Евгенія, въ Описаніи кievско-софійскаго собора (стр. 171), сказано было, что Петръ Могила младшимъ своимъ питомцамъ «съ 1631 года поручилъ обучать дѣтей наукамъ на *латинскомъ* и *польскомъ* языкахъ, назначивъ имъ школы при лаврскомъ больничномъ троицкомъ монастырѣ». Въ Исторіи Макарія тоже повторяется, что Петръ Могила «опредѣлилъ въ новооткрытыя школы нѣкоторыхъ изъ возвратившихся своихъ питомцевъ преподавать науки на

латинскомъ и польскомъ языкахъ» (стр. 37). Но посмотрите въ подлинную запись Петра Могилы объ этой лаврской школѣ (которая напечатана Евгеніемъ въ «Описаніи кіево-печерской лавры» 1831 года, т. е. за 12 лѣтъ до изданія Исторіи кіевской академіи о. Макарія); въ той записи сказано, что Петръ Могила новособранную ученую братію водворяетъ на означенномъ мѣстѣ, дабы они преподавали «науки вызволеныи греческимъ, словенскимъ и латинскимъ языкомъ».

Имѣя въ виду это постановленіе лаврской школы 1631 года о преподаваніи наукъ на *трехъ* языкахъ, а также и то, что луцкая братская школа, устроившаяся по образцу кіевской, названа была въ 1624-мъ году *греко-латино-словенскою*, я полагаю, что такъ называлась и школа кіево-братская, согласно съ вторымъ варіантомъ Теофановой граматы. Впрочемъ ее называли въ тѣ поры и просто — *школою словенскою*, — какъ это мы видѣли изъ замѣтки въ помянникѣ михайловскаго монастыря о кончинѣ гетмана Сагайдачнаго.

Х.

Объ учителяхъ тогдашней кіево-братской школы очень мало сохранилось извѣстій положительныхъ. Достоверно знаемъ только двухъ учителей, бывшихъ ректорами: *Кассіана Саковича*, виднаго въ 1622-мъ году, и *Оому Іевлевича*, упоминаемаго въ 1631 году. Между тѣмъ въ Исторіи Макарія сказано такъ: «вообще же учителями во все это время являются здѣсь монашествующіе, которыхъ ввела въ дворъ свой Анна Гулевичевна» (стр. 30). Зачѣмъ же предполагать здѣсь учителями однихъ монаховъ, и только тѣхъ, которые были введены сюда вмѣстѣ съ Исаією Копинскимъ? Не видно еще ни откуда, чтобы и Саковичъ и Іевлевичъ были тутъ съ 1615 года. Что же касается до монашества учителей, то оно не было непремѣннымъ условіемъ въ тогдашнихъ братскихъ шко-

лахъ. Іоаннъ Борейскій задолго до своего монашества былъ и учителемъ и ректоромъ во львовской школѣ; а въ Исторіи Макарія онъ зачисленъ и въ учителя кievской школы, также еще до его монашества. Въ тогдашней виленьской школѣ, за неимѣніемъ своихъ учителей латинскаго языка, занимали и *нѣмцы*. Итакъ, достаточно было бы того условія, назначеннаго Гулевичевою, чтобы учителя и всѣ тутъ были *православнаго исповѣданія*. Изъ ея записи видно, что она ввела въ свой дворъ не только *духовныхъ*, но и *свѣтскихъ* лицъ: священно-инока Исаію Копинскаго и прочихъ черниковъ, а также и школу (т. е. учителей); и сказано далѣе: «потомки тебѣ свои на то обликую, же наднымъ способомъ перешкоды въ той посессіи тамъ мешкающимъ *православнымъ*, въ иночествѣ въ школѣ и всякомъ строеніи тамъ пребывающимъ, чинити не мають». Нѣтъ никакого основанія тогдашнихъ учителей и избираемыхъ изъ нихъ ректоровъ кievо-братской школы ограничивать одними монашествующими. Это началось уже съ той новой ученой братіи, которую собралъ Петръ Могила въ 1631 году, для преподаванія свободныхъ наукъ въ лаврской школѣ, и которую потомъ онъ водворилъ въ братскомъ монастырѣ.

Въ книгѣ Асбоченскаго сказано такъ: «вообще же *начальствующими* въ первобытной кievской школѣ постоянно являются лица монашествующія, въ силу того пункта записи Аппы Гулевичевой, которымъ она первоначально ввела во владѣніе подареннымъ ею дворомъ и землею—іеромонаха и прочихъ зъ черниковъ» (I. 103). Но такого пункта нѣтъ въ ея записи: она «заразъ въ той дворъ и на его плацъ *духовныхъ* и *свѣтскихъ* *православныхъ* впровадила» и отдала во владѣніе какъ имъ, такъ и всѣмъ *духовнымъ* и *свѣтскимъ*, состоящимъ въ православіи восточной церкви.

Предположивъ однихъ монашествующихъ начальниками школы, Аскаченскій прибавляетъ: «только при такихъ блюстителяхъ школьнаго ученія могла быть въ то время осуществлена благочестивая мысль дарительницы». Но въ то время—кто же, какъ не іеромонахъ и ректоръ Кассіанъ Саковичъ подавъ собою соблазнительный примѣръ отступничества отъ православія восточной церкви? А вслѣдъ за нимъ перешелъ въ униатскій расколъ и бывшій виленскій ректоръ Мелетій Смотрицкій; его же Макарій и Аскаченскій зачисляють въ учителя и ректоры первобытной школы кievской.

XI.

Главное наблюденіе и попеченіе о цѣломъ кievскомъ братствѣ и всѣхъ его частяхъ лежало на *старшемъ братѣ*. Въ это званіе выбираемъ былъ на извѣстное время (на «часъ певный») способный человѣкъ духовнаго или свѣтскаго сана; а въ помощь ему выбирались годичные *старосты*.

Это правило видно изъ трехъ вышепомянутыхъ записей, данныхъ Петру Могилѣ, а постановлено оно, вѣроятно, еще въ тѣхъ «братскихъ повинностяхъ и порядкахъ», которые написаны были 1615 года, при самомъ началѣ кievскаго церковнаго братства ¹⁾. Къ сожалѣнію эти «повинности и порядки» утратились, или же заронились гдѣ-нибудь въ безвѣстности архивной. Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ братскаго вписнаго реестра первое мѣсто занимаетъ слѣдующая записъ:

За згодною прозьбою всѣхъ ихъ милостей и отцевъ нашихъ духовныхъ и стану шляхетскаго обывателей кievскихъ,

¹⁾ У Петрова въ кievскомъ описаніи сказано что намісникъ Аскаченскій кievскому братствѣ «судилъ еще — братство *закононое* и братство *милосердія*» (стр. 209). Но это только разные названія кievскаго братства, которыми еще употреблялись съ самаго начала. Такъ первое братство, начавшееся 1614 году именовалось *закононымъ братствомъ* и *братствомъ милосердія*.

всякаго стану вписанныхъ братства, церкви и монастыря Богоявленій въ Кіевѣ, ставропигіи святѣйшаго вселенскаго, прирочнаго отца и пастыря россійской церкви, патріархи константинопольскаго, старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того святаго братства, обителя и школь, любвиѣ въ тотъ братскій реестръ подписуюсь. Петръ Могила, милостію Божіею архимандритъ свято-великой чудотворной Лавры нечерской кievской, яко любопослушникъ святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріархи, въ лѣто 1631 мѣсяца марта 11-го дня рукою власною».

На чье же мѣсто выбранъ былъ Петръ Могила въ званіе *старшаго брата, опекуна и фундатора*? Это можно опредѣлить днемъ его выбора—11-яго числомъ марта 1631 г. То былъ девятый день по кончинѣ митрополита *Іова Боретскаго*. Собравшееся на его *девятинажъ* кievское братство избрало и для себя ему въ преемники того-же именитаго мужа, котораго и умирающій Іовъ назначилъ первымъ своимъ душеприкащикомъ. Извѣстно, какое тяжелое время настало по смерти Сагайдачнаго для возстаповленной кievской іерархіи, для кievскаго богоявленскаго братства и для всей православной кievской Руси. Много труда и заботы предстояло митрополиту Іову; а его средства были скудны, ограниченны однимъ михайловскимъ монастыремъ, въ которомъ онъ оставался по прежнему, въ званіи игумена. Тамъ жилъ при немъ, сослужителемъ его, почтенный мужъ Исаакій Борисовичъ, оставшійся только съ званіемъ епископа луцкаго и острожскаго.

Для умноженія средствъ братскаго монастыря и училища, купленъ былъ въ 1621 году, у инокини Парасковіи Кучинской, большой дворъ ея, замечательный тогда чѣмъ преданіямъ, на старокievскомъ подгорьи, противъ Рождественской церкви. Въ 1624 году кievское братство приобрѣло еще два лавочныя мѣста

возлѣ соборной церкви, у мѣщанки Люціи Миткевичевой; да въ 1628 году небольшой дворъ на Борисо-глубской улицѣ, у возака Петра Данкова.

А свой кievскій дворъ, находившійся близъ Воскресенской церкви, митрополитъ Іовъ заложилъ отцамъ межигорцамъ. Въ томъ дворѣ его (а не въ михайловскомъ монастырѣ) заведена была типографія, въ которой сначала работалъ кievскій типографъ *Александръ Тимофѣевичъ Вербицкій*, напечатавшій два изданія Часослова, 1625 и 1626 г.; а потомъ печаталъ здѣсь разныя церковныя книги *Спиридонъ Соболевъ* въ 1627—1630 годахъ. Этотъ Черкашенскій дворъ Іова Борещкаго, по его завѣщанію, приняли въ свое владѣніе межигорцы, и въ исходѣ того же 1631 года продали его ректору Томану Ісвлевичу.

Въ завѣщаніи своемъ, писанномъ 1-го марта на канунѣ своей смерти, онъ говоритъ слѣдующее: «И его милость господина отца Петра Могилу, архимандрита печерскаго, и его милость отца Исаакія, епископа вшепомененнаго, по Божѣ першими опекунами такъ того святаго монастыря Михайловскаго, яко и всѣхъ речей моихъ рухомыхъ учинивши,—запапершій и церкви Божой и всему православному народови россійскому потребяѣишій..... въ томъ тестаментѣ остатное воли моее кладу: *абы школы въ Братствѣ кievскомъ для цвѣченія дѣтокъ христіанскихъ, а не иде индей фундованы были, подѣ неблагословеніемъ приказую*».

Новоизбранный старшій братъ богоявленскаго братства не оставлялъ однакоже своего предпріятія «фундовать школы», и будучи того года во Львовѣ, далъ 15 іюня обѣтнюю запись іеромонаху Исаи Трофимовичу, монаху Сильвестру Коссову и другимъ ученымъ братіямъ, которые къ нимъ еще должны были пріебѣднѣтися, о томъ, что предназначенный фондъ будетъ непременно исполненъ въ Кіевѣ, въ печерскомъ мона-

стырѣ, или же гдѣ ему и имъ заблагоразсудится, и назначилъ имъ крайнимъ срокомъ 12 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ тогда не было еще опредѣлено, гдѣ именно быть новой школѣ.

Но въ томъ же 1631-мъ году, избранный всею капитулою михайловскаго монастыря въ игумены, архіепископъ сѣверскій *Исаія Копинскій*, 20-го іюля былъ возведенъ на престолъ митрополіи кіевской.

Тогда великій архимандритъ печерской лавры приступилъ къ открытію своей школы при каменной троицкой церкви на святыхъ вратахъ, въ больничномъ монастырѣ,—испросивъ на то дозволеніе константинопольскаго патріарха Кирилла, а также благословеніе кіевского митрополита Исаіи Копинскаго и трехъ тогдашнихъ епископовъ, Исаакія, Аврамія и Паисія, какъ означено въ его записи 18-го ноября 1631 года.

Но эта лаврская школа устроена была для кіевского братства. Еще въ декабрѣ 1631 года, въ день Зачатія св. Анны, вся богоявленская братія просила своего старшаго брата, чтобы онъ заводимую имъ школу и находящихся при ней учителей перевелъ въ братскій монастырь и основалъ ее здѣсь, какъ при ставропигіи патріарха константинопольскаго и мѣстѣ удобнѣйшемъ для воспитанія учащихся. И въ слѣдующій день Петръ Могила объявилъ свое согласіе основать здѣсь своимъ иждивеніемъ школы, съ тѣмъ, чтобы ему быть пожизненнымъ опекуномъ, блюстителемъ и зацѣтникомъ братской церкви, монастыря, школы и всего къ нимъ принадлежащаго. И было утверждено это дѣло тремя записями, данными Петру Могилѣ—отъ кіевского шляхетства 30-го декабря 1631 года, отъ духовенства 5-го генваря 1632 года, и отъ гетмана Ивана Петрижицкаго и всего войска запорожскаго 12-го марта 1632 года.

XII.

Лаврская школа была уже въ ходу; о томъ свидѣтельствуєтъ книжка *Евхаристиріонъ*, напечатанная 1632 года 29-го марта, состоящая изъ стихотвореній, которыми ученики или *студен* риторики и ихъ профессоръ, Софроній Почаскій, привѣтствовали Петра Могилу съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Этою книжкою опредѣляется характеръ лаврской *гимназіи*, которая послужила родникомъ *коллегии* и потомъ *академіи* кievской. Новое поколѣніе ученыхъ *гимназіастовъ* было съ большимъ запасомъ тогдашней западно-европейской учености, такъ щедро изукрашенной язычествомъ или *поганствомъ* классической еллино-латинской древности. Ученость эта принята была въ то время въ Кіевѣ, какъ вышнее условіе, необходимое для возрастанія здѣшняго православно-русскаго просвѣщенія въ уровень съ просвѣщеніемъ латинно-польскимъ. Но ея усвоеніе оговорено было въ *Евхаристиріонѣ* такъ:

«Если зъ доброго стался злымъ человекъ первый;
Второй все то отиѣнилъ, діавола стерши;
Теды зъ наукъ поганскихъ латво учинити
Христіаномъ Христову, и за свою мѣти».

Стихотворенія, составляющія *Евхаристиріонъ*, расположены въ двѣ части: 1) «*Геликонъ* то есть садъ умѣтности первый», въ которомъ воспѣты «8 *кореній* наукъ вызволенныхъ»; 2) «*Парнасъ* албо садъ умѣтности второй», въ которомъ воспѣты «10 *мтораслій* наукъ вызволенныхъ». *Геликонъ* оканчивается стихами къ Богу, а *Парнасъ*—стихами къ пресвятой Дѣвѣ: эти стихи, равно какъ и всѣ почти корни *и мтораслій* *свободныхъ* наукъ, обращаются подъ-конецъ въ *панегирикъ* меценату кievскому. Такъ, въ *Парнасъ* «*Кал-*

*

моне, то есть цвиченье въ писанію высокихъ и поважныхъ речей» завершается слѣдующими стихами:

«Поровнасть рыцеровъ напѣ Могилѣ давныхъ:
Бо звѣтяща тасмныхъ есть весполъ и явныхъ».

Имена 23-хъ учениковъ, подписанныя подъ стихотвореніями, показываютъ, что въ лаврскую школу были отданы преимущественно дѣти православнаго шляхетства кіевского ¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ (Филонъ Ильковскій и Самуиль Мужилловскій) встрѣчаются и въ числѣ 13-ти учениковъ, подписанныхъ подъ стихами, составляющими вышеупомянутую *Мнемозину*. Того-же 1632 года лаврская школа, съ ея учителями и учениками, переведена была въ богоявленское братство.

Между тѣмъ апрѣля 30-го (а по старому стилю 20-го) умеръ въ Варшавѣ король Жигимонтъ третій, главный вводитель и покровитель церковной уніи, породившей столько раздора и соблазна въ славяно-христіанскомъ мірѣ,—столько мученій и бѣдствій православно-русскому народу бывшаго великаго княжества литовскаго.

¹⁾ Для памяти потомства выпишемъ имена этихъ учениковъ.

Въ лаврской школѣ 1632-го года:

1) Стефанъ Стрибыль. 2) Григорій Трипольскій. 3) Александръ Озекшичъ. 4) Самуель Мужилловскій. 5) Андрей Черхавскій. 6) Василій Климовичъ. 7) Василій Камешницкій. 8) Михаилъ Полубельскій. 9) Мартинъ Суринъ. 10) Филиппъ Миклашевскій. 11) Іоаннъ Заруцкій. 12) Василій Сушавскій-Проскура. 13) Филонъ Ильковскій. 14) Степанъ Когинскій. 15) Максимъ Кресловскій. 16) Теодоръ Суло. 17) Василій Чудловець. 18) Василій Устрицкій. 19) Георгій Негребецкій. 20) Евтихій Соболевъ. 21) Стефанъ Трипольскій. 22) Трофимъ Онущкевичъ. 23) Іеремія Войсакскій.

Въ Богоявленской школѣ въ іюлѣ 1633 года:

1) Александръ Тишкевичъ. 2) Георгій Тиша. 3) Іоаннъ Тиша. 4) Самуель Мужилловскій. 5) Адамъ Тиша. 6) Филонъ Ильковскій. 7) Филиппъ Константиновичъ. 8) Тимофей Квятиницкій. 9) Стефанъ Габисельскій. 10) Захарія Березеицкій. 11) Андрей Гродецкій. 12) Порфирій Карачевскій. 13) Василій Вѣтрицкій.

Тогда православные люди польскаго государства, оживленные надеждою на возстановленіе своихъ правъ, поспѣшно снаряжали депутаціи на избраніе новаго короля. Тогда-то воеводиць молдавскій почуялъ вполне свое призваніе—«ратовать православную церковь» (какъ говорилъ о немъ Исаія Копинскій). Назначенный въ депутаты отъ кievскаго духовенства на избирательный сеймъ, вмѣстѣ съ Исаіей Трофимовичемъ и другими, онъ поспѣшилъ въ Варшаву, и возвратился въ Кіевъ уже въ половинѣ слѣдующаго года—въ санѣ митрополита кievскаго. Тогда для богоявленскаго братства и для всей православной кievской іерархіи настало новое, *могилинское* время.

Но что же случилось съ первоначальникомъ кievскаго братства, Исаіею Копинскимъ? О немъ скажемъ здѣсь словами изъ лѣтописца монастыря густынскаго: «И сѣдѣше на митрополіи яко двѣ лѣтѣ, со всякимъ бѣдствованіемъ, и остави престоль судомъ нѣкимъ Божиимъ, понеже изнемогъ бѣ старостію».

Взятый внезапно и насильно изъ михайловскаго монастыря въ печерскую лавру, Исаія вскорѣ перешелъ оттуда въ мгарскій лубенскій монастырь, имъ же основанный 1622 г., и прилагалъ попеченіе о трехъ обителяхъ украинскихъ, по прежнему па нихъ праву. Тамъ любили его и называли тогда «епископомъ лубенскимъ». Но молодой владѣлецъ Виннивецчины, имѣвшій свою резиденцію въ Лубнахъ, не захотѣлъ держать у себя такъ близко доучнаго старца, который еще недавно изъ Кіева своимъ писаніемъ увѣщевалъ его возвратиться къ покинутой имъ православной церкви. Въ 1636-мъ г. князь Еремѣй Михайловичъ передалъ свои монастыри митрополиту Петру Могилѣ, съ которымъ былъ въ родствѣ, со стороны покойной матери своей, Раныи Могилянки, и который, въ 1632-мъ году, посвятилъ ему свою книжку «Крестъ

Христа Спасителя и каждаго человѣка». Тогда Исаія Копи-
скій, оставшійся только съ званіемъ архіепископа сѣверскаго
и игумена михайловскаго, удался въ Полѣсье, въ намѣре-
ніи возвратить себѣ золотоверхій михайловскій монастырь.
Подавалъ онъ о томъ жалобную просьбу королю Владиславу,
являлся и въ городскій владимірскій судъ; и было дано пове-
лѣніе королевское (27 мая 1637 г.) разсудить это дѣло осо-
бой комиссіи, состоявшей изъ князя Адама Сангушѣа, вое-
воды волынскаго, Николая Ланцворонскаго, архидіакона кіев-
скаго, Степана Аксака, судьи кіевскаго, и еще нѣсколькихъ
лицъ. Неизвѣстно рѣшеніе той комиссіи; но домогательство
Исаіи не исполнилось. Потрясенный до глубины души своими
личными обидами и скорбями и вновь паставшими тогда
тревогами и бѣдами отечественными, онъ скончался въ
1640-мъ году 5-ю октября, — какъ это записано въ старомъ
помянникѣ Антоніевой пещеры, которой блюстителемъ былъ
опъ до выгова его, въ 1615-мъ году, на первоначальное
устроеніе кіевскаго братства.

Михаилъ Максимовичъ.

1865 г. 13 позбря.

Михайлова-Гора.

